

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1990-Х ГГ. ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА

Коптелов Артем Олегович

*магистр права, Гуманитарный университет,
РФ, Екатеринбург*

E-mail: kopartol30@yandex.ru

THE ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY OF THE 1990S OF THE POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE XIX-EARLY XX CENTURE

Artem Koptelov

*master of law, University of Liberal Arts,
Russia, Yekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

В статье дан краткий анализ работ англоязычных авторов 1990-х гг., посвященных органам политического сыска дореволюционной России XIX – начале XX века.

Автором упоминаются в первую очередь представители американской исторической русистики, поскольку именно американская историография политической истории России XIX-начала XX века имеет свою специфику, особенности и логику развития.

В статье особо отмечается, что большая часть исследователей стремится дать взвешенный и объективный взгляд на деятельность российской политической полиции имперского периода.

ABSTRACT

The article gives a brief analysis of the works of English-speaking authors of the 1990s, devoted to the bodies of political investigation of pre-revolutionary Russia of XIX-early XX century.

The author mentions first of all the representatives of the American historical Russian studies, since it is the American historiography of the political history of Russia of the XIX-early XX century that has its own specifics, features and logic of development.

The article emphasizes that most researchers seek to give a balanced and objective view of the activities of the Russian political police of the Imperial period.

Ключевые слова: англоязычная историография российской политической истории, американская историческая русистика имперского периода, политическая полиция царской России, Корпус жандармов, Третье отделение императорской канцелярии, Департамент полиции.

Keywords: English-language historiography of Russian political history, American historical Russian studies of the Imperial period, political police of Tsarist Russia, Corps of Gendarmes, The Third Section of the Imperial Chancellery, Department of police.

В послевоенный период тема истории органов политической полиции дореволюционной России стала привлекать внимание зарубежных исследователей. В западной исторической науке появляются работы, посвященные Третьему отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Отдельному Корпусу жандармов и Департаменту полиции. Речь идет главным образом об американской историографии, поскольку именно американские исследователи занимают ключевые позиции в зарубежном русистике, особенно в сфере изучения самодержавия XIX-начала XX века.

В данной статье будут упоминаться в первую очередь представители американской исторической

русистики, так как, несмотря на тесную взаимосвязь между историографиями стран англоязычного мира, именно американская историография политической истории России имеет свою специфику, особенности и логику развития. Поэтому в статье упоминаются труды других англоязычных авторов, естественным образом интегрированных в американскую историографию.

Конец 1960-х гг. был отмечен в США приходом в науку нового поколения историков, критически настроенных к американскому научному истеблишменту. Теоретические схемы уже не имели для них самодовлеющего значения. Их научные интересы лежали в области традиционной полити-

ческой истории: внутренняя политика самодержавия, его государственные институты и бюрократический аппарат. Формально они относятся к поколению «детей», поскольку их научными руководителями были историки старшего поколения М. Малиа, М. Раев, Р. Пайпс, А. Гершенкрон и др. Однако именно они «проложили дорогу» поколению историков-«внуков», отказавшись от представления об истории России как некоем «отклонении» от европейского «нормального» типа развития, что привело в 1990-е гг. к повороту в американской историографии от изучения «упадка» царской России к изучению причин устойчивости многонациональной Российской империи. Уходит в небытие противопоставление «государства» и «общества», на первый план выходят их взаимодействие и взаимосвязь.

В своем научном исследовании Ричард Уортман демонстрирует основные мифы, символы и ритуалы Российской монархии [14]. Ориентируясь на период от правления Петра Великого до смерти Николая I. Он показывает, как взгляды и представления русского правителя играют центральную роль в осуществлении монархической власти. По определению Р. Уортмана, идейной основой царствования Николая I стал национальный миф о совершенной отделенности России от Европы по своему типу. По его словам, в основу исторической парадигмы была положена идеализированная картина XVII в. – эпохи, когда русский царь правил в единстве и в гармонии с русским народом, а Россия была истинно православной Святой Русью. По мнению Уортмана, в церемониях, архитектурных и литературных памятниках явно прослеживается устойчивое изображение Верховного трансцендентального правителя, которое помогает понять характер и устойчивость абсолютной монархии в России. Американский ученый опирается на выводы социальных наук и литературоведение для выявления скрытых мифов, иностранных заимствований, прослеживает процедуры российской системы правосудия. Через анализ различных источников, среди которых можно выделить: стихи, гравюры, газетные сообщения, он прослеживает эволюцию этого мифа посредством своеобразных «сценариев», которые выразили его в культурных идиомах каждого царствования. Уортман показывает, каким образом такие «презентации» монархической власти послужили делу укрепления лояльности правящей элиты к самодержавию и установления «дистанции» между истеблишментом и остальным населением России.

Касаясь в своих работах политической культуры российской бюрократии, Ричард Уортман утверждает, что в середине XIX века в России сосуществовали две противоположные концепции управления. Первая – идея «полицейского государства» (Polizeistaat), согласно которой основная задача правительства состояла в регуляции всех сторон общественной жизни с целью создания правильно организованного общества. Вторая – идея «правового государства» (Rechtsstaat), предполагавшая, что

государство и общество имеют равный статус, а отношения между ними регулируются посредством права, реализуемого бюрократами-профессионалами.

Гарольд Берман под Rechtsstaat понимает государство, управляемое посредством законов, изданных законодательной властью [2, р. 449-458]. И Россия, безусловно, к такому идеалу всегда стремилась, с одной лишь оговоркой, заключающейся в том, что, по убеждению Ричарда Уортмана, представления о законности в России сводились к использованию законов (права) для того, чтобы руководить правительственными учреждениями в их деятельности по исполнению законодательных актов верховной власти. Следовательно, сложившиеся в России представления о власти закона (права) не предполагало наличие власти и властного влияния вне государственных институтов, которые, в свою очередь, всецело были подчинены центральной администрации. Исходя из вышеизложенного, Р. Уортман подчеркивает примат в России сильной и неограниченной исполнительной власти, необходимой для обеспечения единства государства и его обороны. При этом он говорит о том, что возникновение в XIX веке политической оппозиции и рост революционного движения поставил перед российским самодержавным государством также вопрос обеспечения своей собственной безопасности, которую главным образом должна была обеспечить политическая полиция Российской империи.

Фрэнсис Вчисло рассматривает административную реформу российского местного самоуправления за период с отмены крепостного права до Первой Мировой войны [13]. Исследователь обращает внимание на неоднократные попытки царских государственных деятелей «перестроить» наиболее важные управленческие структуры самодержавного государства для быстрой модернизации российского аграрного общества. Однако более важной целью его исследования является выявление влияния самодержавной политики на эволюцию российской бюрократии и формирование ее своеобразного «характера и образа мыслей» в указанный период.

Вчисло выделяет ряд социальных, психологических, идеологических и институциональных связей бюрократии с ее социальной основой в сельском обществе, иллюстрирует связи бюрократического мира со своей традиционной социальной базой среди служилого дворянства и крестьянства. Американский исследователь также выявляет два типа политической культуры в среде российской бюрократии, которые характеризуют просвещенных бюрократов-западников и так называемых полицейских чиновников, то есть приверженцев концепций правового и полицейского государства, с присущими им системами ценностей.

Описывая российских чиновников в контексте двух политических культур старого режима, он показывает, как бюрократы-реформаторы стремились поощрять гражданскую культуру в противовес опиравшимся на поместную службу и сословность

защитникам традиционного самодержавия и общества. Вчисло считает, что именно защита традиций частью консервативной бюрократии, поддержанной самодержавием, в результате и привели реформаторские инициативы бюрократов-западников к провалу, что и стало основополагающей причиной кризиса России в начале XX века.

Тем не менее, Вчисло отмечает, что на практике обе эти концепции стремились к слиянию, в результате чего «власть закона» для русского чиновничества стала означать правительство, действующее через институты, процедуры и законы. Данный бюрократический феномен получил название *Reglementsstaat*.

В своей великолепной биографии российского императора Брюс Линкольн дает подробное описание и интеллектуальный анализ личности Николая I, особенно ярко проявившейся в его ориентации на самодержавный характер власти, описывает российскую политическую, экономическую, социальную и культурную историю периода его правления, подчеркивает важность политических, экономических и социальных влияний Западной Европы на Россию [9]. Линкольн выходит далеко за рамки простого описания хронологии событий, объясняя причины произошедших исторических события. В эпиллоге своей работы он рассматривает царствование Николая I в более широком контексте российской истории, касаясь периодов, которые предшествовали его правлению, и событий, развернувшихся после его царствования.

Касаясь деятельности политической полиции Б. Линкольн полагает, что Николай I видел в чинах Третьего отделения и жандармах «нравственных и политических опекунов». Он рассматривает офицеров жандармерии как послов внутри страны, которые, слушая повседневные политические дискуссии россиян, должны были информировать царя о политической обстановке в стране. Как послы доброй воли и моральные стражи, жандармы должны были направлять россиян по политической правильной «царской тропе» и бороться со злоупотреблениями.

По мнению Брюса Линкольна, созданное Николаем Павловичем Третье Отделение Его Собственной канцелярии и приданный ему Корпус жандармов к 40-м гг. XIX в. получили карт-бланш на сбор любой политически значимой информации, касающейся всего и всех без исключения, но постепенно их деятельность вышла из-под контроля даже самого императора.

В своих работах Брюса Линкольн показывает, что изоляция России и характер абсолютной власти при Николае I во многом являются шагами назад, поскольку приводят к стагнации общества и косности государственного аппарата. Несмотря на то, что Николай Павлович вряд желал этого для своей страны, автор не освобождает его от вины за случившееся.

В другой своей работе Б. Линкольн, изучив интеллектуальные запросы поколения молодых бюрократов, прошедших университетскую «школу»,

созданную именно императором Николаем I, и занявших к моменту проведения Великих реформ высокие должности в центральной администрации, отмечает присущее им чаяния предстоящих реформ, которые ими самими, в сущности, в дальнейшем и проводились [10]. По мнению американского исследователя, форма и содержание российского законодательства после проведения реформ наглядно показали, чего достигли Великие реформы в целом.

В 1989 г. в рамках сборника научных статей о гражданском праве в императорской России вышел материал Доминика Ливена, касающийся системы политического сыска России [8, р. 235–262]. В центре внимания исследователя стоит вопрос влияния органов политической полиции на складывание гражданского общества. При этом вывод автора неутешителен, поскольку, по его мнению, какая бы политическая сила ни победила в борьбе за власть в России в начале XX века, установление гражданского общества вряд ли бы произошло.

Британский историк также отмечал, что царская «охранка» вела в оборот много методов, которые советские органы государственной безопасности усовершенствовали в дальнейшем (регистрация подозрительных с политической точки зрения лиц и др.).

Опираясь на материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а также на фонды российских эмигрантов в зарубежных архивах, авторы российско-канадской работы Чарльз Рууд и Сергей Степанов подробно описали формирование органов политического сыска Российской империи [11]. В работе авторы сосредотачиваются, главным образом, на деятельности тайной полиции с 1880 по 1917 гг.

Авторы отмечают преемственность деятельности царской тайной полиции, начиная с XVI века, и считают «охранку» важнейшей опорой царской власти. Исследователи утверждают, что основой существующей в России с XVI столетия до 1917 г. охранительной системы была сеть агентов, проникших в различные враждебные государству организации. Такие скрытые действия с опорой на информаторов и двойных агентов сделали тайную полицию послушным инструментом государственной власти. Однако внедренные агенты не были предметом достаточного надзора и контроля со стороны «охранки», поэтому последнюю постоянно сопровождали скандалы в связи с провалами агентов и выявлением их бесконтрольности, что, по мнению исследователей, свидетельствует о неэффективности деятельности политической полиции. К началу XX века деятельность осведомителей и двойных агентов, сделала тайную полицию громоздким инструментом государственной власти.

В совместной монографии Ч. Руда и С. Степанова, подробно описана работа Зарубежной агентыры Департамента полиции во Франции и Германии, дается характеристика ее руководителей и активных агентов. Этот аспект проблемы особенно важен, поскольку канадский и российский исследователи

опирались на источники не только российских архивов, но и на документы европейских и американских архивов.

В данном исследовании была сделана попытка создать целостную картину работы органов политической полиции как на территории самой Российской империи, так и за ее пределами. Однако это касалось лишь деятельности Департамента полиции Российской империи в последние десятилетия его существования.

На эту совместную работу вышла рецензия Джона Стэйплза, в которой ее автор нелестно отзывается о научных достоинствах указанного труда [12, р. 454-455]. Стэйплз пишет, что данная совместная работа лишь расширенная англоязычная версия работы Степанова под одноименным названием. Он не согласен с утверждением авторов о важной роли Григория Распутина в развале царского правительства, и недоумевает от игнорирования авторами тайных полицейских преследований радикалов в годы, предшествовавшие революции 1917 г. Авторы, по мнению Д. Стэйплза, лишь концентрируют свое внимание на наиболее резонансных действиях тайной полиции, что говорит не столько о желании продвинуться в изучении органов политического сыска имперского периода, сколько произвести сенсацию. Стэйплз считает, что в совместном труде материал изложен ярко и занимательно, но недостаточно аргументировано и нередко противоречиво, что, по мнению рецензента, ограничило ценность проведенного исследования.

Не обошел вниманием вышеуказанный российско-канадский научный труд еще один англоязычный исследователь, специалист по изучению истории Российской империи, Брюс Адамс, который дал положительную характеристику совместной научной работы [1, р. 670-671].

Деннис Кейси попытался проследить развитие общественно-политической системы российского общества через призму развития ее органов государственной безопасности, начиная с Ивана Грозного и заканчивая 1917 г. [3]. Он проводит параллели между органами политического сыска Московского царства и Российской империи в периоды правления различных монархов, анализирует характер взаимоотношений между обществом и государственной властью, где политическая полиция выступает неким посредником между ними.

Кейси отмечает, что в 1826 году Николай I создал Третье Отделение Его Собственной канцелярии как политическую полицию, которую император и ее новый глава граф Александр Бенкендорф видели в качестве «нравственного врача нации». Третье отделение сконцентрировалось на борьбе с политическим инакомыслием во всех его формах. Ему был придан Корпус жандармов, с помощью и вместе с которым оно должно было охранять государственную безопасность.

Кейси делает вывод о всемогущей власти российской политической полиции в XIX - начале XX века. Он утверждает, что органам политического

сыска Российской империи была предоставлена власть разыскивать, заключать в тюрьму и ссылать инакомыслящих безо всяких ограничений и вне всяких границ законности.

Еще один англоязычный исследователь Фредерик Цукерман при изучении административно-полицейского аппарата императорской России, следуя в русле популярной на Западе теории о «полицейском государстве» в России, указывает на достаточно широкие полномочия российских органов политического сыска [15]. При этом ученый сравнивает органы политического сыска Российской империи с аналогичными учреждениями Великобритании, Франции и Германии, и делает вывод о более значительном перечне полномочий российской политической полиции.

В своей книге Цукерман изображает историю русской тайной полиции, так называемой «охранки». Он описывает ее персонал, его мировоззрение, касается вопросов взаимодействия органов безопасности с правительством и народом во время правления Александра III и Николая II. Ф. Цукерман указывает, что тайная полиция Российской империи боролась с российскими радикальными и «прогрессивными» (либеральными) слоями общества, чтобы сохранить традиционную политическую культуру самодержавия. Преследование оппозиции происходило в условиях быстрых социально-экономических преобразований, сущность которых сотрудники органов безопасности плохо понимали, но глубоко презирали сторонников реформ.

В связи с этим исследователь считает, что органы государственной безопасности Российской империи в лице своих руководителей стремились установить полный контроль над российским обществом. Тем самым, Цукерман указывает на высокую степень несвободы российского общества.

Работы Д. Кейси и Ф. Цукермана повторяют старый демонический образ «охранки» как прототипа тайной полиции тоталитарного государства, характерный для американской историографии времен «Холодной войны», но указанные авторы не учитывают при этом серьезные изменения, произошедшие в подходах американских ученых на историю Российской империи XIX-начала XX века ко времени написания их работ.

Более тщательно проблему российского политического сыска исследовал крупный специалист по данному вопросу, адъюнкт-профессор истории в университете штата Иллинойс в Чикаго, Джонатан Дейли, который открывает «занавес» внутренней работы администрации безопасности полиции в царской России [5]. Его работа написана на большом количестве первоисточников, хранящихся в зарубежных и российских архивах. Впервые зарубежный исследователь наряду с материалами архивных фондов научных центров США привлек практически все доступные ему источники из российских архивов.

По мнению Д. Дейли, служба государственной безопасности России накануне революции 1905 года

была относительно небольшой по численности. Деятельность ее сотрудников не выходила за рамки закона и отличалась гуманностью, особенно учитывая степень социальной и политической оппозиции режиму, с которой им пришлось столкнуться.

Американский историк рассматривает роль российских служб безопасности в титанической борьбе самодержавной власти с теми, кто всеми силами стремился нанести поражение монархическому абсолютизму. С первого террористического покушения на жизнь русского императора в 1866 году через катастрофические потрясения 1905 года Д. Дейли прослеживает эволюцию полиции безопасности в условиях повышенной активности антиправительственных сил, которые угрожали самому существованию самодержавного режима.

Опираясь на множество источников, в том числе многие недавно рассекреченные архивные документы, автор подробно анализирует персонал учреждений государственной безопасности и эффективность имперской политической полиции. Дейли исследует взаимодействие власти и оппозиции во второй половине XIX - начале XX века до момента, когда они сталкиваются друг с другом самым непосредственным образом - революцией 1905 г.

Дж. Дейли считает, что российская политическая полиция была не способна предотвратить крупные социальные катаклизмы и могла эффективно бороться только с хорошо законспирированными малочисленными группами революционеров. Издание чрезвычайных актов, по его мнению, являлись признаком перехода России от абсолютизма к конституционной монархии.

В своей работе Дейли широко использует опубликованные материалы, архивные источники полиции безопасности, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), которые в сочетании с документами Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и источниками из коллекции Парижского бюро безопасности позволяют ему составить достаточно полное описание функционирования российской системы безопасности в затрагиваемый период [16].

В целом положительно о труде Дейли отозвался Стивен Дьюк, который отмечает, что Джонатан Дейли «приоткрывает занавес» деятельности полицейской администрации Российской империи [6, р. 136-137]. При этом С. Дьюк сомневается в утверждении Д. Дейли о том, что центральное правительство создало и развивало полицейскую систему органов государственной безопасности исключительно в ответ на террористические акты против правительственных чиновников.

Как указывает Стивен Дьюк, в конце 1870-х гг. российское правительство столкнулось с нападениями экстремистов, что вынудило его предоставить чрезвычайные полномочия органам исполнительной власти закрывать митинги, арестовывать подозреваемых террористов, судить их в рамках специальных судебных разбирательств под непосредственным контролем правительства и отправлять подозревае-

мых оппозиционеров в ссылку в Сибирь. Правительство также создало специализированные полицейские силы безопасности, которые управляли шпионской сетью и осуществляли непосредственное наблюдение за революционными группами. Однако к 1904 году целый ряд факторов ослабил способность правительства конкурировать с все более сложным массивом политических врагов, и сделал его уязвимым перед революцией 1905 года. В числе таких факторов Стивен Дьюк выделяет: конкуренцию внутри полицейского аппарата безопасности, а также между обычными полицейскими и чинами тайной полиции, негативную реакцию населения на репрессивные полицейские меры, моральную поддержку общественности революционерам, непримиримое противостояние самодержавию значительного количества политических противников, а также увольнение в октябре 1903 г. своеобразного «стержня» охранительной системы империи, Начальника Московского охранного отделения, Сергея Зубатова.

Несколько страниц Отдельному Корпусу жандармов Российской империи уделил в своей посвященной европейской жандармерии работе историк Клайв Эмсли [7]. Он отмечает, что Корпус жандармов в России был создан по французской модели, поэтому обладал схожей с французской жандармерией структурой. Однако, как указывает Эмсли, по сравнению с жандармерией Франции российский Корпус жандармов постепенно оказался в полном подчинении не военного министерства и министерства внутренних дел, а политической полиции (Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии).

Эмсли считает, что главной целью создания Корпуса жандармов явилось стремление центрального правительства контролировать деятельность местных администраций. Но поскольку Корпус, по мнению ученого, имел ничтожно малое число жандармов, учитывая необъятные размеры империи и поставленные перед ним задачи, его основной функцией стало преследование политических противников существующего в России политического режима.

Англоязычный исследователь Мартин ван Клевельд отмечает существование двух отрицательных традиций в деятельности администрации в России, начиная с правления Петра I и до конца XX в. [4]. Это традиция администрации действовать за «закрытыми дверями» при обсуждении насущных общественно-политических проблем, а также традиция произвола, исходящего от самого руководителя государства, которое подтверждается негласным правилом высокопоставленным чиновникам увольнять своих подчиненных без объяснения причин. Поэтому, отмечал исследователь, в России всегда имело место не столько бюрократическое государство, сколько государство как бюрократическая корпорация.

Русские цари с Петра Великого выступали в качестве попечителей своего народа, за физическое и духовное благосостояние которого они несли ответ-

ственность перед Всевышним, что, по мнению Кревельда, лишний раз подтверждало авторитарную природу политического режима в России.

Правление Николая I Кревельд однозначно называет «царством кнута», при котором продолжился бурный рост российской бюрократии. В принятом 1832 г. при Николае I Своде законов преступления против Особы Государя Императора были отделены от преступлений против государственных чиновников. Со временем это могло привести к появлению бюрократического аппарата, отделенного от личности правителя. Но именно этого Николай Павлович допустить не мог. Поэтому им создается, известный под вполне подходящим названием Собственная Его Императорского Величества Канцелярия (С.Е.И.В.К.) орган личного (т.н. ручного) управления страной, который подчинялся исключительно царю. Таким образом, внутренний контроль за оппозицией в лице аристократии и дворянского офицества должно было осуществлять политическая полиция в лице Третьего отделения С.Е.И.В.К. и приданный ему Корпус жандармов, во главе которых встало особо доверенное лицо императора – А.Х. Бенкендорф.

Тем не менее, Кревельд отмечает, что даже в таких условиях уже в правление Николая Павловича зарождается пусть слабое и малочисленное, представленное в основном интеллигенцией, гражданское общество. Это, по его мнению, подтверждается хотя бы тем фактом, что в начале 1880-х гг. издавалось порядка 150 подобных журналов, тогда как к концу правления Николая I литературных и общественно-политических периодических изданий выходило всего около 20.

В пореформенный период общественное мнение, независимо от предпочтений тех или иных представителей образованного класса требовали реформ в политической сфере, которые бы позволили ему участвовать в управлении страной путем решения тех или иных социальных проблем.

Необходимо отметить, пишет Мартин ван Кревельд, что вопросы демократизации в политической сфере общества волновали последних трех императоров династии Романовых. В целом они понимали необходимость преобразований, поскольку это значительно ослабило бы давление образованных слоев на самодержавие. Но именно самодержавный характер власти так и не позволил им дать выход энергии общественных деятелей путем предоставления им возможности участвовать в политической жизни страны. Принимаемые же императорами меры воспринимались общественным мнением как своего рода «подачки», что приводило к конфронтации интеллигенции с властью.

Согласно мнению М. Кревельда, нереализованные политические амбиции интеллигенции воплощались в различных кружках интеллектуалов, которые с легкостью ликвидировались политической

полицией. Однако вместо исчезающих оппозиционных групп появлялись новые, более организованные, хорошо законспирированные и экстремистски настроенные. И если объединения образованных людей с их, пусть и подчас радикальными, но все же разговорами, регулярно ликвидировались полицией, то хорошо законспирированные и радикально настроенные революционные группировки стали вести откровенную подрывную деятельность. Постепенно от революционных разговоров они перешли к убийствам высокопоставленных особ, включая самого царя.

Краткий анализ работ англоязычных авторов 1990-х гг., посвященных органам политического сыска дореволюционной России XIX – начале XX века показывает, что деятельность политической полиции затрагиваемого периода вызывало большой интерес у исследователей. При этом историография указанного периода еще многое заимствует у американской русистики периода «холодной войны», но большая часть исследователей стремится дать более взвешенный и объективный взгляд на деятельность российской политической полиции имперского периода, что объединяет англоязычных ученых с отечественными исследователями истории самодержавной России и, в частности, истории органов имперской политической полиции.

Следует отметить, что на современном этапе намечается определенное сближение подходов ученых разных стран к изучению сущности самодержавной власти Российской империи XIX-начала XX в. С учетом нынешнего состояния отечественной исторической науки перспективными выглядят подходы к изучению истории России имперского периода, предложенные группой американских ученых-историков третьего поколения, которые в своих научных работах рассматривают Россию как равноправного участника общемирового исторического процесса. Такое представление о России имперского периода становится доминирующим.

Но поскольку Россия в трудах американских исследователей при этом теряет свои уникальные и присущие только ей черты, российские историки, обладая врожденным знанием «контекста» и чувством родной «почвы» могли бы скорректировать этот «перегиб», что, несомненно, способствовало бы более объективному рассмотрению истории России XIX-начала XX века, а в перспективе способствовало бы формированию общемировой историографии по данной проблематике.

Поэтому, в существующих условиях жизненно необходимо тесное сотрудничество исследователей из разных стран, которое позволит более объективно подойти к рассмотрению истории России XIX-XX вв., в том числе при изучении вопросов функционирования органов российской политической полиции.

Список литературы:

1. Adams B.F. Review of Charles A. Ruud and Sergei A. Stepanov. *Fontanka 16: The Tsars' secret police* // *Slavic review*. 2000. Vol. 59. № 3. P. 670-671.
2. Berman H.J. The rule of law and the law based state (Rechtstaat) (With special reference to the Soviet Union) // *The Harriman institute forum*. 1991. Vol. 4. № 5. P. 449-458.
3. Casey D.F. *Roots run deep*. [Lackland Air Force Base Joint Base San Antonio: Air Intelligence Agency/History Office]. URL: <http://www.utpjournals.com> (дата обращения: 19.10.2014).
4. Creveld M. van. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 439 p.
5. Daly J.W. *Autocracy under siege, security police and opposition in Russia 1866-1905*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.
6. Duke S.T. Reviewed «Autocracy under siege: security police and opposition in Russia, 1866-1905» // *Canadian Slavonic Papers*. 2001. Vol. 43. № 1. P. 136-137.
7. Emsley C. *Gendarmes and the state in nineteenth-century Europe*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 288 p.
8. Lieven D.C. *The Security police, civil rights and the fate of the Russian Empire 1855–1917* // *Civil Rights in Imperial Russia* / ed. O. Crisp and L. H. Edmondson. Oxford, 1989. P. 235–262.
9. Lincoln B.W. *Nicholas I. Emperor and Autocrat of All the Russias*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1989. 424 p.
10. Lincoln B.W. *The Great reforms: autocracy, bureaucracy & the politics of change in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1990. P. 281.
11. Ruud Ch. A., Stepanov S.A. *Fontanka 16: The Tsars' secret police*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 394 p.
12. Staples J. *Fontanka 16: The Tsar's secret police by Charles A. Ruud, Sergei A. Stepanov (reviewed)* // *Canadian Journal of the Humanities*. 2000/2001. Vol. 70. № 1. P. 454-455.
13. Wcislo F.W. *Reforming rural Russia: state, local society, and national politics, 1855-1914*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 347 p.
14. Wortman R.S. *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy / Vol. 1: From Peter the Great to the death of Nicolas I*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 432 p.
15. Zuckerman F.S. *The Tsarist secret police in Russian society. 1880–1917*. London: Macmillan Press, 1996. 345 p.
16. См.: Коптелов А.О. [О политической полиции Российской империи] / А.О. Коптелов // *Политист : науч.-публ. альманах*. Вып. 4. – Екатеринбург, 2016. – С. 24-28. – Рец. на кн.: Daly J. *Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866-1905*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 1998.